

Антонина Алексеевна Козлова

Не растите дерево печали...

По воспоминаниям родных, зимой 1943 года мы с папой замерзли по дороге в деревню Козлово Гаврилово-Посадского района, где жили его родители – Андрей Гаврилович и Ефимия Никифоровна Козловы. Мне пять лет. Папа вёз меня в санках-плетёнках по заснеженной тропе, выбился из сил, выпустил веревку из рук... Обоих ждала верная гибель. Но нас спас Бог - и дедушка... Он рассказывал потом, что болел, сидел на печи. Вдруг услышал голос: «Беги - встречай. У них беда» - и побежал по дороге к железнодорожной станции. И ведь нашел, и дотащил обоих до деревни. Нас отогрели, и мы выжили...

Месяц не слезала с печи, боясь замёрзнуть, а потом долгое время боролась с целым букетом хронических заболеваний...

С того дня до 1945 года я жила у дедушки с бабушкой, и это убергло меня от голода. А родители – Козловы Алексей Андреевич и Пелагея Павловна - и моя трёхлетняя сестрёнка Нина всё это время оставались в Иванове. Сюда в мае 1941 года папу, по профессии связиста, пригласили на работу. До этого мы недолго жили в Кинешме, куда в 1940 году наша семья переехала из Костромы. В Иванове, в местечке Соснево, купили деревянный дом – две комнаты и кухня с большой печью. Родители были так рады! А через месяц – война...

В семье в то время было двое маленьких детей, поэтому мама не работала на производстве, а занималась домашним хозяйством. Папа всю войну находился под бронью, хотя и рвался на фронт. Он имел семиклассное образование, прошел курсы связистов, при этом обладал необыкновенной сенсорикой. Благодаря этому преуспел в профессии - даже 500-парный кабель быстро исправлял без всяких приборов!

Жили впроголодь. У отца случались голодные обмороки. С 1942 года его прикрепили к обкомовской столовой, но он большую часть обеда уносил домой. Заметив это, специальные работники стали за ним следить. Позднее папа вспоминал, что за обедом плакал - от того, что не мог ничего взять для нас.

Изредка нам по карточкам выдавали маис (кукурузу), яичный порошок, иногда – мясные консервы – из дружественных стран.

Мама чуть не погибла от голодных безбелковых отёков. Дорогая наша соседка Агриппина Грунцева это первой заметила и догадалась, что мама очень плохо питалась, экономя продукты для детей. Она стала маму подкармливать и другим соседям поведала, что наша семья голодает. Общими усилиями соседи маму выходили. А меня отправили в деревню Козлово к родственникам. Дед был фельдшером, всю жизнь успешно помогал людям, леча их своими снадобьями. Ещё он знал толк в строительных работах и плотничал. Подрабатывал и в своей, и в соседних деревнях. Платили ему продуктами: картофелем, молоком, яйцами, иногда даже мясом. Конечно, он помогал своим родственникам, в том числе и нашей семье.

Голодный быстрее замерзает. Сразу вспоминается ощущение холода в доме. Дров очень мало, и печку топили редко. Вечерами сидели в комнате без света с тщательно задёрнутыми плотными шторами, чтобы не нарушить маскировку, ведь немецкие стервятники пролетали над городом бомбить Горьковскую ГРЭС. Когда по радио объявляли воздушную тревогу, нужно было спускаться в подпол, а там так холодно... Чаше оставались наверху, опускались на колени, мама молилась, а мы-дети крестились. А ещё мама, чтобы нас успокоить, отвлечь, рассказывала нам с сестрёнкой сказки Андерсена, Пушкина, русские народные. Особенно я любила про Емелю на печи... И печь нашу русскую любила. Ведь она служила и баней, и лекарством от всех хворей - в ней прогревались и парились, а затем отмывались от сажи в корыте. До сих пор с грустью наблюдаю, как печи ломают...

Как-то, оставшись дома без родителей, вместе с соседскими ребятами - помню мальчика Славу, сына тёти Агриппины - догадались набрать во дворах, в огородах щепочки, сухие веточки и развести костерок. Около него согрелись и с тех пор приноровились так спасаться от холода. Называли костры ласково - «тёплинки». И однажды от такого костерка занялись нижние венцы нашего дома! На счастье в это время вернулась домой мама и вместе с соседями потушила огонь. В другой раз загорелся забор, прибежали соседки и забросали огонь своей верхней одеждой. ... Мама нас не ругала, никогда и ни за что... Окончила она только церковно-приходскую школу, но обладала природной мудростью и добрым сердцем. Когда мама плакала, мне становилось так жаль ее... А ещё стыдно, даже если моей вины и не было.

Папа был строгим, но справедливым. Мы это всегда чувствовали. Семья наша была дружная, все любили и дорожили друг другом. В 1944 году родился братик Володя. Я нянчилась и с ним, и с сестрёнкой, была очень ответственная. Но однажды всё же не доглядела: маленький братишка забрался на стол и упал с него. Лежит, глаза закрыты. Мы с сестрёнкой были так напуганы, просто онемели в первые мгновения. Подняли его, стали целовать. А сами буквально рыдаем. Прибежала мама. Вот счастье-то было, когда Володя открыл глаза.

Самое яркое детское впечатление – день Победы. Запомнилось, как все вокруг смеялись и плакали, обнимались, целовались, плясали. Непередаваемое единение людей!